

Исследовательская рефлексия

Повседневность в социокультурных изменениях

(размышления читателя автобиографий
и биографических интервью)

Валерий Голофаст

Биографии обычных людей непременно погружают в море повседневности. В одной из своих ранних работ я стремился привлечь внимание к тому, что описание повседневной рутины в более или менее хронологическом порядке составляет один из центральных слоев всякого биографического повествования (Голофаст, 1997). Несмотря на обобщенность такого пересказа, наличие элементов жанра и сюжета, рутина повседневности доминирует в тексте. И даже когда дело касается социальных событий (а их до удивления мало), все равно речь идет о рутине, только уже на макроуровне – рутине социальных процессов. Если исследователь интересуется социальным изменением, напрасно искать его следы в прямых оценках и описаниях авторов повествований. Скорее всего это будут формулы и стереотипы расхожего политического или медиа-дискурса. В автобиографиях доминирует жизненный цикл, путь, дорога и прочие метафоры индивидуальной жизни. Это верно даже тогда, когда жизнь подается как авантюра, как восхождение к успеху или как жизненный крах (Дмитриева, Соколов, 2000). Исследователю необходимо иметь определенный запас концептуальных схем, более или менее интегрированную систему взглядов на повседневность и ее изменение, выработанную, возможно, независимо от практики чтения биографий, чтобы в итоге научиться читать и проблематизировать биографические повествования.

Не претендуя на решение этой задачи в скромном тексте настоящих заметок, я намерен привлечь внимание коллег к бездонности этой тематической области.

Диспозиция повседневности в современном обществе

Что можно сказать о культурном значении повседневности, каков культурный статус этого слоя реальности сегодня? В наши дни повседневность предстает *опустошенной*, вернее, лишенной основных сил, которые, как ныне представляется, движут вперед современный мир.

Прежде всего нужно констатировать, что же оставлено человеку в повседневности наших дней. Потребление и масскультура, туризм и воскресный отдых? Как далеко это все от основных сил, формирующих наш мир – экономики, политики, науки и технологии.

Сегодня *достижения цивилизации* снисходят в опустошенную обыденную жизнь с эзотерических, закрытых высот научных лабораторий, испытательных полигонов, кабинетов большого бизнеса или политики, студий ведущих телеканалов, театральных залов, фестивальных площадок или крупнейших стадионов мира – мест, вся магическая сила которых создается сверхбольшими деньгами, статусом собравшейся «избранной» публики или концентрацией власти.

Что противостоит этой кардинальной предпосылке глубоко иерархизированного общества, размещающего сакрально-магическое высоко вверху, вне пределов досягаемости *обыденной* жизни и *обычного* человека? К чему ведет опустошение повседневности и презрение или небрежение человеком массы, улицы или квартиры? Возвышает ли достоинство человека сам факт того, что он добивается в своей жизни, в своей *обыденной* жизни, *нормального* уровня потребления, *устойчивой* работы, жилья и отдыха и *сохранения* здоровья? Если основные страсти жизни – открытие, свершение, достижение, осмысленное созерцание, наслаждение, страдание, напряженное усилие – покидают повседневность, изгоняются из нее, перестают цениться окружающими, не требуют духовных и физических сил, эмоций и ресурсов, если повседневность дегероируется, аккуратно упакованная, превращается только в предмет потребления, то она и раскрывается человеку как пустота, дезориентация и проклятие жизни.

Теоретики отмечают, что обесценивание обыденной жизни произошло под влиянием современного формального образования, роста роли экспертов-технократов в экономике, политике и государстве. Эти силы приводят к подмене действительной глубины и полноты жизни ее *суррогатами*: «На место духовной культуры общества и специализированных знаний экспертов приходят бульварная литература, уличный жаргон, анекдоты, возделывание огородиков, соседская взаимопомощь, самообразование и все другие воплощения принципа “сделай сам”» (Вальденфельс, 1991, 45). Повседневность атомизированного, индивидуализированного общества оторвана от функционирования основных институтов, сохраняет черты архаических традиций, остается «закваской» нового и странного, даже сохраняет качества «правильного тигля» всех форм рациональности, творчества и отклонения, но явно противопоставлена мегамашине государства и общества (Вальденфельс, 1991; Waldenfels, 1985). Силы разделения труда, разделения знания и рынков, бюрократические иерархии, привилегии правящих элит, капитала и статуса монополизируют основные ценности жизни и организуют их в про-

тивостоящий обыденной жизни макропорядок – сакрально-магическое пространство, где только и происходят все *важные события*¹.

Обыденная жизнь образует «нишу выживания» (антропологический императив), она построена на «тактиках случая», является «способом сопротивления тех, кто лишен власти». Устройство современных макропорядков таково, что они не нуждаются более в легитимации посредством идеологий, рассчитанных на всех или только на лишенных власти, поскольку могут опираться на старое как мир насилие, манипуляцию и «потребительский соблазн», являющийся побочным продуктом современной экономики. Фактически господствующие силы не нуждаются даже в безусловном послушании отдельных элементов массы. Об этом говорит, с одной стороны, абсентизм во время выборов, терпимость к любым отклонениям, поддержка плюрализма, переполненные «тюрьмы» и бесконечные «гетто» современных мегаполисов, с другой, конструирование все новых и новых средств контроля над массами, новых барьеров при пересечении границ.

В связи с этим интеллектуалы утрачивают свою функцию разоблачителей идеологии, а социальные науки оказываются не у дел, становятся не нужны власти и воротилам бизнеса. Социальные науки в лучшем случае превращаются просто в гуманитарное занятие, опираются на стремление сделать жизнь понятной для себя и для других, но без претензии «нести им истину». Гуманитариям остается «спасать культурные ценности» от технократического давления и растворения в релятивизме ради взаимопонимания между людьми².

Но не обстоит ли дело так, что мы, социальные исследователи, просто слишком привыкли к языку господствующих дискурсов, принимаем некритически уничижительный взгляд на обыденную жизнь? Что мы также выдрессированы в своих привычных концептуальных схемах ее анализа, сформированных взглядом свысока: образ жизни – это работа, досуг, здоровье; изменение социальной стратификации – это смена занятий и дохода; смена социальных порядков – это переход от административной экономики к рыночной.

Но по крайней мере одна область высокой культуры долгое время как бы не замечала униженного, обесцененного статуса повседневности. Более того, именно в обыденной жизни она искала и находила все свое вдохновение и все свои наивысшие достижения. Эта область – литература, прежде всего проза. К ней примыкал театр со всем его отчаянным консерватизмом и, в меньшей степени, кинематограф, по определению, вечно авангардный и высокотехнологичный. Но не телевидение, не радио, не периодика, не маскультура.

¹ В современном мире, однако, существуют силы, противостоящие такому явному разведению макропорядков общества и микропорядков повседневности. Одна из них – Интернет, где виртуальная реальность *может* соединить несоединимое, по мере того как она просачивается во все поры общественного организма. Впрочем, пока она служит в основном господствующим механизмам финансовых спекуляций, военным целям, науке и технологии, коммерции и маскульту. Борьба за социально-культурный потенциал виртуальной реальности еще только разворачивается.

² Именно так интерпретирует работы Лиотара, Фейерабенда, Баумана, Маффесоли, де Серто Н.Козлова (Козлова, 1992).

Конечно, искусство – это сфера воображаемого. Но поскольку эта сфера – часть реальности, ей и не удастся избавиться от повседневности, отвернуться от нее. Может быть, дело в том, что именно в повседневности витают мысли и чувства, зреют замыслы, порывы и устремления. А без них литература или театр – пусты. И реализм повседневности не подавить никакой техникой. Здесь человек не только повторяет изо дня в день незаметно для себя все время меняющуюся свою жизнь, но и без конца пробует новое или пытается от него уклониться, избежать экспериментов с собой, опять-таки не вполне осознавая это.

Рутинa, инерция повседневности и изменение

Рутинa повседневности подобна телу культуры: во время быстрых изменений оно худеет, теряет эластичность, но не может исчезнуть совсем. Ежедневные действия воспроизводятся, даже если окружающие условия перестают быть им надежной опорой. Индивид или группа держатся за них, внутренние требования и императивы влекут на поиск все новых и новых ресурсов поддержания рутинy. Когда практичность рутинного поведения становится призрачной, а само поведение упрощенным, инерционным, структура повседневности защищает идентичность, вновь и вновь утверждает место индивида среди других элементов окружения (консервативная функция рутинy). Изменить рутинy – значит изменить себя, изменить себе, заменить себя.

В основе рутинy лежит привычность индивидуального поведения. Но не менее важно, что в круге ближайших социальных связей индивида привычность имеет коллективный характер, – такую организацию повседневности обычно называют обиходом. Его основные характеристики – нормальность, регулярность, практичность, индивидуальная инструментальность, сложившаяся взаимная приемлемость и функциональность. Когда последняя перестает иметь взаимный, коллективный или групповой характер, обиход естественным образом трансформируется в ритуальные формы поведения. Они сохраняют коллективно-символический, поддерживающий вовлеченность, вежливый интерес и внимание характер взаимодействия, но, возможно, уже функционально нейтральный для некоторых или даже большинства участников по своим последствиям.

Ритуалы не приносят вреда, но они могут не иметь и видимой очевидной пользы. Они просто связывают прошлое, настоящее и будущее сложившихся отношений на определенном уровне их традиционного существования. Нужно перейти на другой тип отношений (более интимный или, напротив, более формальный и отдаляющий), если пренебречь ритуалами, сломать их ход или отодвинуть в сторону. Такая инициатива, будь она спонтанной или взвешенной, имеет более или менее отчетливые последствия для обихода, меняет его структуру для части участников. Типичные варианты укрепления обихода – это застолья, беседы при встречах, обмен новостями, сплетнями, поддержание разговора, мелкие услуги и просьбы, напоминания и воспоминания. Огромную роль играют юмор, игра и показное невнимание. Такие формы поведения проясняют идентичность и инди-

видуальную рутину в коллективном обиходе, снимают неопределенности, напряжения, повышают предсказуемость и понятность действий и состояний окружающих. Противоположную роль играют конфликты и кризисы в межиндивидуальных отношениях, что немедленно сказывается на коллективном обиходе и ритуальном слое культуры. Неопределенность, опасения, страхи и ложные объяснения стремительно размножаются, затрудняют взаимность и понимание. Коллективный обиход распадается на частные или даже индивидуальные формы.

Малые порядки повседневности противопоставлены власти и ее проводникам – официальным институтам. Они вводят иную, подчиняющую, анонимную, внешнюю функциональность, более или менее обязывающую формальность правил, распорядка, статусно дозированных дискретных прав и полномочий. Официальный уклад жизни выстроен далеко за пределами горизонта повседневности. Внешние силы и инстанции определяют его принципы и приоритеты, символы и ритуалы, нормы и их нарушения, поощрения и наказания.

Отметим, что рядом с бытовым обиходом существует и обиход профессиональный, – та среда специализированной рутины, куда уходит индивид, перемещаясь со своей территории, дома, семьи, на работу, службу, к своим трудовым заботам. В отличие от бытового обихода, профессиональный порядок непроницаем для посторонних. Часто его элементы, простейшие события почти невозможно изложить даже близким людям, а тем более посторонним. Нужно быть включенным в профессиональный обиход, чтобы почти без пояснений уверенно ориентироваться в нем.

При крупномасштабных социально-культурных изменениях источниками новаций являются власть, социальная борьба, но также стихия ломки объективных условий, отражающая изменения в поведении масс людей и вторгающаяся в повседневный обиход как чуждая, анонимная и, в основном, разрушительная сила. Попытки приспособиться к вторжению стихии в коллективный или индивидуальный обиход – простейший механизм адаптации к изменениям (Цветаева, 2000). Если присмотреться к нему пристальнее, возникают следующие вопросы.

Как в некоторой социальной среде, в определенном социальном круге, где рутина повседневности имеет форму коллективного обихода, его члены реагируют на изменение поведения каждого индивида? Какие чувства порождает принуждающее приспособление у самого человека? Какие оправдания для себя и других он выдвигает или пытается сформулировать, найти, позаимствовать из наличного словаря мотивов? Но, прежде всего, кто – сам человек или окружающие – первым замечает изменение? Какую роль в процессе рационализации и легитимации играют формы общения (слухи, текущие новости, политическая или официальная речь)? Как человек, цепляясь за традиционный облик социального порядка, отступает к простейшим формулам морали и здравого смысла или, наоборот, становится легковерной жертвой расхожих лозунгов и пояснений? Какая инстанция становится референтной для закрепления изменений в обиходе? Какие чувства подвигают людей к признанию внешних авторитетов, дающих моральный смысл изменениям индивидуального и коллективного поведения (страх, зависть, не-

годование, восхищение, моральный ригоризм, безразличие, редукция или идеализация моральных требований)?

Коллективный обиход при этом понимается как порядок вещей и действий, воспроизводимый без рефлексии, но под контролем, морально само собой разумеющийся, но принуждающий всякого быть с ним в согласии ежеминутно. Только ситуация физического уединения, «пересадка» в другую социальную среду или уход в закрытый от других внутренний мир мыслей, чувств и переживаний изымают индивида из коллективного обихода.

В 20-е–30-е гг. в СССР стихийно формировалась и затем поддерживалась властями социальная техника «перемалывания» обихода: принудительная публичность, вторжение представителей власти и вообще посторонних в частные пространства, разрушение барьеров личного и группового контроля, например, превращение жилой среды в коммунальную жилплощадь, купе – в разомкнутое пространство общего вагона, обыски, допросы, проверки. В итоге человек обрастал не репутацией, в справках, мандатами, пропусками, свидетельскими подтверждениями, решениями властей. Неопределенность толкала к подозрительности и недоверию, разрушение авторитетов плодило слухи и панику, дезориентация и отчаяние доводили человека до постоянных скитаний в поисках устойчивого безопасного места, где можно было бы переждать, где терпимо было бы жить, просто выжить (Витухновская, 2001).

Интересно, что совершенно аналогичные механизмы действовали и в период немецкой оккупации во время Великой Отечественной войны (Забарко, 1999). Часть этих явлений можно было наблюдать и в 90-е гг. (Травин, Симпура, 1999; Травин, 2001; Цветаева, 2000). Сегодня они характерны для людей без места – бомжей, беженцев, нелегальных мигрантов, людей со скрытыми отклонениями. Их обиход ослаблен или разрушен, они как бы вообще выпадают из окружающей их обыденной жизни либо ведут двойную жизнь.

Другой стороной эпохи изменений оказывалось неожиданное появление новых возможностей, вторжение которых в личный или приватно-групповой мир также преобразует его, как и вторжение сил деструктивных. Одновременно на повестку дня встают и новые вопросы. Какое понимание новых возможностей доминирует: эгоистические соблазны (социального возвышения, сиюминутного удовольствия, социального тщеславия, выгоды, самодовольства и гордости, ощущение собственной растущей ценности) или идеологические формулы коллективного спасения и утопии, авторитарные требования подчинения, добровольного отказа от себя и своей среды? Какая роль отводится угрозам и прямому насилию? Как устанавливается дисциплина тела, мысли, чувства, поведения, внешнего вида, приватного пространства дома и семьи?

При разрушении практических функций обихода символическое становится на его место, ритуал заменяет действие, игра становится способом укрощения реальности, борьбой с ее неопределенностью и дезорганизацией среды, поиском социальной поддержки. Вместо устойчивости прошлого, практической традиции ориентация смещается к гармонии будущего, возможного, тогда как несовершенство настоящего перестает иметь какое-либо

значение. Конформизм становится как бы излишним, обузой, а риск питает надежду на возвращение к рутине, опирающейся на неизвестные пока, но непременно реализующиеся в скором будущем возможности и ресурсы: все вернется на круги своя, мы еще проживем, даже если и иначе, чем прежде...

В быту господствует иллюзия ускорения времени, опирающаяся на нестабильность и дезорганизацию обихода. Неспособность индивида защитить себя от вторжений заставляет искать прямые связи с макросоциальными событиями. Нарастает нетерпеливое ожидание все новых и новых перемен. Все это вовлекает человека в сферу коллективной мифологии происходящего, отвлекает от повседневности, облегчая отход от конформизма, от привычного уклада жизни. Спротивляясь этим иллюзиям, человек пытается найти успокоение в «моральной расслабленности», агрессивности, игровых формах риска, экспериментировании или замыкается в себе, пытается выработать или утвердиться в новых внутренних убеждениях, в навязчивых мыслях и проектах обустройства или переустройства собственной жизни. Такие реакции легко переносятся на других, что увеличивает «зону вторжения». Человек уже сам становится агентом изменений, еще пока не осознавая это в полной мере, еще оставаясь не уверенным в собственной правоте, еще не решаясь апеллировать к третьим инстанциям для оправдания своих действий и переживаний.

Итак, инерция повседневности имеет два основания: (1) в коллективной поддержке и внимании, включая социальный контроль, то есть в групповом обиходе; и (2) в индивидуальном хабитусе, привычках и навыках жизни, обусловленных биографией, происхождением и положением индивида. Оба эти основания при социально-культурном изменении оказываются под угрозой. Возможности обойтись при перестройке своей рутины без внешней поддержки реальны до тех пор, пока другие объективные обстоятельства не противоречат течению дел, – в этом случае поведение индивида уже признается странным и подозрительным. Раз окружающие не могут понять его, значит, его следует отнести к области «теневого магии» повседневности (личным причудам или темному месту коллективной жизни, где замышляется или творится зло). Такого человека следует либо осудить, либо определить как новый, особый, но малопривлекательный тип (например, «новые русские» в начале 90-х гг.).

Когда социальное изменение вторгается в устойчивые субкультуры повседневности – в обиход некоторого социального круга, только внутренний жизненный мир индивида, его практические навыки и чувства продолжают быть фундаментом интеграции в социокультурную реальность, но даже он ежедневно подвергается испытаниям. Если культурные ресурсы недостаточны, или, более того, на них воздействуют общественные силы, а инерция рутины не опирается на адекватные обстоятельства (условий, ожиданий и поддержки), трансформация личной идентичности становится неудержимой, неизбежной, хотя и слабо предсказуемой по направлению и типу. Хорошо знакомый прежде человек вдруг становится чужим даже для близких. И стабилизация обихода вновь становится на повестку дня.

Литература

Вальденфельс Б. 1991. Повседневность как плавильный тигль рациональности. – *Социологос*, Вып.1. Ред. В.В.Винокуров и А.Ф.Филиппов. М.: Прогресс.

Витухновская М. 2000. (Ред.) На корме времени. Интервью с ленинградцами 1930-х годов. СПб.: Нева.

Голофаст В. 1997. Три слоя биографического повествования. – В: Воронков В., Здравомыслова Е. (ред.). Биографический метод в изучении постсоциалистических обществ. СПб.: ЦНСИ. С.23–26; 140–143.

Дмитриева М., Соколов В. 1999. (Ред.). Расскажи свою историю. СПб.: «На дне».

Забарко Б. 1999. (Ред.) Живыми остались только мы. Свидетельства и документы. Киев: Библиотека института иудаики.

Козлова Н. 1992. Социология повседневности: переоценка ценностей. – *Общественные науки и современность*. №3. С.47–56.

Травин И. 2001. (Отв.ред.) Новые потребности и новые риски: реальность 90-х годов. СПб.: Норма.

Травин И., Симпура Ю. 1999. (Ред.) Повседневность середины 90-х годов глазами петербуржцев. СПб.: Европейский дом.

Цветева Н. 2000. Биографические нарративы советской эпохи. – *Социологический журнал*. №1/2. С.150–163.

Waldenfels B. 1985. In den Netzen Lebenswelt. Frankfurt/M.